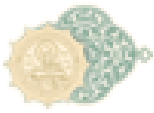

Священник Павел Бочков

Революционно- реформаторские расколы

Для Православной Церкви совершать священную миссию в этом мире означает нести Благоую Весть во все слои общества и способствовать преобразению изнутри, обновлению человеческого сообщества. Но никогда не будет нового человечества, если прежде не будет нового человека, обновленного в купели святого крещения и в евхаристическом освящении. Цель воцерковления человека — это внутреннее преобразование, и если попытаться выразить это иначе, то более справедливо было бы сказать, что Церковь преобразует мир только тогда, когда силой Божественной благодати, которую она дарует миру, она стремится изменить как личное, так и общественное сознание людей, их деятельность, жизнь и среду, которая их окружает.

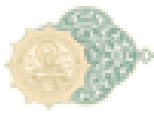
Всё это можно выразить таким образом: нужно проповедовать Слово Божие и совершать таинства Православной Церкви в живой форме, достигая подлинной глубины, самих корней человеческой культуры в целом. Миссия Православной Церкви, а следовательно, и проповедь Слова Божия, совершение святых таинств Церкви и социальное служение никоим образом не отождествляются с культурой и сохраняют независимость по отношению ко всем культурам. Тем не менее, проповедь Евангелия, возвещаемая Православной Церковью, переживается людьми, которые глубочайшим образом связаны с какой-то отдельной культурой, и обновление духовной жизни христианина не может не использовать элементы человеческой культуры или культур. Будучи независимой по отношению к различным культурам, Церковь не обязательно несовместима с ними, она, наоборот, способна одухотворить их, не порываясь ни одной из них. Разрыв между Церковью и культурой, без сомнения, — драма нашего времени, так же, как это было раньше, в период советского атеизма. Следует поэтому приложить все усилия для достижения живоносного воцерковления культуры. Культура должна возро-

даться заново благодаря встрече с Благой Вестью Христа Спасителя, обновиться всем своим существом в Евангелии и утвердить свое обновление, закрепившись в литургической жизни Православной Церкви. Но эта встреча может не произойти, если Благая Весть не будет возведена современным народам на языке их культуры и социальной традиции. К сожалению, практические точки реформирования и богословского обновления Церкви, колеблющиеся от радикального пересмотра едва ли не всего, что есть в традиционном христианстве, в том числе и понятия Бога, до умеренного приспособления к потребностям нашего времени, превращают внешний мир в предмет поклонения, в буквально единственный критерий веры, жизни и действия Православной Церкви. Если прежние христиане оценивали мир в понятиях Церкви, то сегодня верно как раз обратное: для многих христиан именно мир призван выносить суждение о Церкви. И даже в сознании тех, кто не приемлет всех крайностей идеи «секуляризации» в трактовке радикально настроенных богословов, понятие это, быть может, чаще всех других соединяется с понятием «реформа».

По мере знакомства с громадным и непрерывно растущим потоком современной богословской литературы трудно не заметить, что основным (если не единственным) ее предметом является модернизм и быстро изменяющийся «мир». Слово *modern* происходит от латинских слов *modernus* (существующий в настоящее время) и *modus* (мера) и является корнем целого ряда распространенных английских слов. Нечто модифицируется тогда, когда оно изменяется или приобретает новую форму. Слово «мода» чаще всего обозначает принятую в обществе манеру одеваться или вести себя. В метафизике это же слово обозначает способ или форму существования чего-либо, нечто отличное от субстанции. Именно такое значение имеет часть *mod-* в слове «модернизм». Эпохой модернизма или новым временем обычно называют период начиная с Французской революции, а у некоторых авторов — период от начала книгопечатания, т.е. после 1450 года. Некоторые берут за точку отсчета философию Рене Декарта или теорию «общественного договора». Модернизм — идеология, властвующая в исторический период, начавшийся после Французской революции и продолжающийся до настоящего времени. Основные особенности данного периода (этический релятивизм, нарцисстический гедонизм, натуралистический редукционизм и индивидуализм).

Дальнейший анализ лексических и стилистических значений данного корня несомненно докажет нам, что модерн относится к нынешнему времени или недавнему прошлому, противоположному тому, что принято называть традицией или стариной. Словом «модерн» часто обозначают тенденцию в таких областях человеческой деятельности, как искусство,

музыка, архитектура, литература. Религиозный модернизм¹⁵² весьма претенциозен и всё пришедшее из прошлого считает неадекватным и устаревшим, с чем человечеству следует расстаться без всякого сожаления. Если рассматривать модернистские взгляды в церковной истории, то мы заметим, что они сформировались уже несколько столетий назад. Среди них наиболее заметным является ксенофобия по отношению к традиции Церкви, к святоотеческим заветам прошлого и суеверный страх перед дошедшей из глубины веков церковной истиной. Представитель модернизма думает о сегодняшнем дне, неутомимо борется за свое счастливое завтра, забывает о дне вчерашнем и презирает далекое церковное прошлое, подчас полное трагизма, сохраненное невероятными усилиями святых отцов, благодатной помощью Духа Святого, Который и созидает соборность Церкви, делая ее столпом и утверждением Истины.

Основное содержание модернизма на уровне богословия определяется как переоценка традиционной христианской доктрины в свете нового самосознания современного человека и заключается в том, чтобы сделать христианство «актуальным» для мира, ценою даже отступления от абсолютных критериев Православной веры. Теоретически модернизм начинается с заботы о проповеди Евангелия словами: «Ради любви к истине, может быть, стоит научиться отказываться от старого, привычного и обновить наши мехи, сделать их подходящими для вечного нового вина — Евангельской истины, чтобы она не пролилась на землю и не пропала»¹⁵³, — а на практике заканчивается иными изречениями: «Само Евангелие, сколько оно страниц? От Марка особенно. Нет возможности читать тысячи страниц, нужен дайджест, особенно во время электронной информации. Началось еще в середине прошлого века у американцев, наши еще смеялись: как это, Лев Толстой за тридцать минут?! А теперь и у нас это, ну правильно, кто же сейчас будет все тома читать? Это невозможно, это противоречит и условиям жизни, и психологии современного человека. Надо всё делать предельно кратко, даже Евангелие — вот у меня есть такая американская книжечка — выжимки делают. Из Евангелия взяли самое важное, что сказал Христос...»¹⁵⁴ Таким образом, начинается модернизм с «вечного нового вина Евангель-

¹⁵² «Модернизм религиозный — направление духовно-практической деятельности религиозного сознания, ориентированное на адаптацию отдельных фрагментов традиционных вероучений и элементов культовой практики к изменяющимся социально-историческим условиям, и в первую очередь к насущным требованиям современности». Подробнее см.: Бачинин В.А. Малая христианская энциклопедия: В 4 т. Религиозная философия. Т. 1. СПб., 2003. С. 190.

¹⁵³ Борисов Александр, священник. Научиться отказываться от старого // Единство Церкви: Богословская конференция 15–16 ноября 1994. М., 1996. С. 50–51.

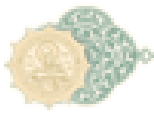
¹⁵⁴ Так размышляет раскольник Глеб Якунин. Подробнее см.: Якунин Глеб, священник, Рыжов Юрий, священник. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. М. — Таганрог, 2006. С. 24–25.

ской истины», а заканчивается выжимками и выдержками из «Евангелия за тридцать минут».

Не оспаривая важность, насущность, необходимость и актуальность для Православной Церкви иметь памятование о том, что Евангельское Откровение обращено ко всему миру ради спасения человечества, православные богословы должны бережно относиться к традиции Церкви и не приступать к реформированию церковных институций без должного внимания и осторожности. Реформирование и духовное обновление в жизни Церкви связаны с двумя основными направлениями в области православного богословия, которые условно можно охарактеризовать так: реформаторы и консерваторы. Эти два направления так же необходимы в Церкви, как и во всех остальных областях человеческой жизни — социальной, политической, художественной. Более того, от анализа этого вопроса напрямую зависят выводы по проблемам церковных расколов. Чтобы понять, как христианский мир всё время стремится сохранить согласие между традицией и обновлением, воспользуемся образом маятника. Ориентация церковного учения постоянно меняется, и перемены в тенденциях схожи с колебаниями огромного маятника. Крайними точками этих колебаний являются традиционализм и модернизм. Маятник совершает свои колебания на протяжении целых исторических эпох, период его колебания составляет столетия, его движения не всегда заметны, особенно для тех, кто утратил историческое сознание и не замечает хода истории. При движении к крайней правой точке он отходит от традиции, которая несовместима с современными воззрениями на мир. В самой крайней правой точке наступает момент, когда общественное сознание целиком отрицает интровертный архаизм. Когда на протяжении нескольких десятилетий архаизм временно преодолен, маятник так же медленно (а совсем не стремительно, как полагают идеологи модернизма, проповедующие перемены) начинает двигаться влево, к модернизации. Наконец он достигает крайней левой точки, соответствующей культурной модернизации. В этой точке постепенно начинает ощущаться церковная сила, влекущая общество к центру притяжения, который есть провозглашение божественной любви во Христе, обращенное к продолжающему изменяться человечеству. Средним положением этого маятника является подлинное православное богословие, которое учитывает и вечную, нестареющую религиозную традицию, и временные, преходящие противоречия, потрясения современной эпохи.

Мы тут имеем дело с богословской динамикой: оба противостоящие начала не должны друг друга исключать, а должны сосуществовать в творческом напряжении. Это напряжение в христианстве, и особенно в Православной Церкви, переживается куда острее, чем в других сферах человеческой жизнедеятельности, — ведь последние, в конечном ито-

ге, относительны. Христианство же покоится на высшей, предельной антиномии: на вторжении Абсолютного в относительное, на перпендикулярном разрезе вечного во временном. Церковь одновременно по ту сторону истории и в самой гуще истории, она состоит из неизбежного откровения — тайны Бога, ставшего Человеком, — но живет и развивается во времени, где Абсолютное неизбежно окрашивается и обволакивается относительным, принимает разные формы, меняющиеся, развивающиеся. «Мы должны всегда видеть, где Христова Церковь, а где внешние её стороны»¹⁵⁵. Святейший патриарх Алексий II подчеркивает: «Задача богословия — показать живую связь исторически изменчивого и неизменного в каноническом и литургическом строе Церкви. На основании такого богословского анализа и следует судить о формах церковного строя в тех исторических условиях, в которых нам волею Божией определено жить»¹⁵⁶.

Опасность для Церкви наступает тогда, когда традиционализм или модернизм претендует на исключительную истину. Обращаясь к истории, мы видим, что противоборства между этими двумя направлениями в Западной Церкви сказались более резко и имели более тяжелые последствия, чем в Православии: Реформация XVI века породила безнадзорное разделение между протестантизмом и католичеством; контрреформа привела к порочным догматам I Ватиканского собора и к отходу от Рима старокатоликов. II Ватиканский собор пытался исправить крайности своего предшественника, что повлекло за собой уход так называемых традиционалистов¹⁵⁷.

В Православной Церкви мы наблюдаем сходные расколы, но в ослабленной форме, вероятно, в силу большей децентрализации в управлении: раскол староверов, а потом и обновленцев в России, старостильников в Греции, юрисдикционные разделения в эмиграции, автокефалистские расколы в Украине, разные «прещения» либеральных священников и даже мирян в современной Русской Православной Церкви. Ярким примером революционно-реформаторских расколов постсоветского пространства являются раскольнические либеральные течения в России и в Украине.

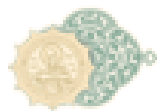
Вот основные революционно-реформаторские раскольнические объединения:

— «Украинская автокефальная православная церковь (каноническая)»;

¹⁵⁵ Мень А., прот. О Христе и Церкви. Беседы и лекции. М., 2002. С. 96.

¹⁵⁶ Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о Церкви» // Православное учение о Церкви: Материалы богослов. конфер. РПЦ, М., 17–20 ноября 2003. — М., 2004. С. 6.

¹⁵⁷ Подробнее см.: Лефевр Марсель, архиеп. Они предали Его: От либерализма к отступничеству. СПб.: Владимир Даль. 2007.

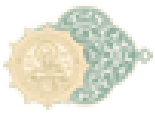
- «Автономная украинская православная церковь в Америке»;
- «Апостольская православная церковь»;
- «Апостольская православная церковь (Бурятия)»;
- «Церковь святой веры восточных христиан»;
- «Старокатолическая православная церковь»;
- «Автокефальная святая восточная православная архиепархия Америки»;
- «Католическая апостольская церковь в Северной Америке»;
- «Украинская реформаторская православная церковь» или «Российская Православная Обновленческая Церковь»;
- «Объединение общин апостольской традиции»;
- «Христианская вселенская и апостольская церковь».

Яркой страницей в революционно-реформаторских расколах является деятельность патриарха либеральных преобразований «отца» Глеба Якунина — известного советского диссидента, либерального мыслителя, члена правозащитной «Московской Хельсинской группы» и «паллиума» по церковным расколам. В ноябре 1993 года он был лишен сана в Русской Православной Церкви, в феврале 1994 года принят в «сущем сани» в филаретовский раскол. В 2000 году принимал участие в учреждении в Москве «Церкви православного возрождения»¹⁵⁸, известную больше как «Апостольская православная церковь» оправдывая это тем, что «Православие уже давно в кризисе, причем всемирное Православие. Мы являемся единственным православным либеральным реформаторским движением, остальные погрязли в обряде»¹⁵⁹. Глеб Якунин говорит: «В январе 2000 года мы созвали пресс-конференцию, на которой и объявили о создании «Движения за возрождение Православия», то есть, некоторое время наша Церковь называлась Православной Церковью Возрождения. А потом и другие епископы были рукоположены: Венедикт (Молчанов), Валентин (Астафьев), Ростислав (Мельников), наконец, Виталий (Кужеватов), он сейчас митрополит, предстоятель нашей Церкви. Это всё в 2000 году было. И в мае того же года мы приняли Декларацию о создании Апостольской Православной Церкви. Стали образовываться общины в России, в ближнем и дальнем зарубежье»¹⁶⁰. Однако новомодное «миссионерство» не принесло «плодов» и почти все выше перечисленные «иерархи» покинули «АПЦ» в поис-

¹⁵⁸ Якунин Глеб, свящ. Исторический путь православного талибанства. М., 2002. С. 57.

¹⁵⁹ Якунин Глеб, Рыжов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. М. — Таганрог, 2006. С. 27.

¹⁶⁰ Якунин Глеб, Рыжов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. М. — Таганрог, 2006. С. 19.

ках новых «архиерейских вакансий». Один из самых верных адептов «АПЦ» — известный публицист Яков Кротов, и тот не вынес всего того, что творится в данной группировке, призвал Кужеватова и Якунина «покинуть Апостольскую Православную Церковь, предоставив её пасти тем епископам, которые хотят реформировать православие, а не насаждать не лучшего образца протестантизм под названием “православия апостольской традиции”»¹⁶¹.

Богословские позиции революционно-реформаторских расколов сводятся в основном к немедленным призывам к реформации и богословскому упрощению. Литургические и канонические позиции раскольников такие: «Правильно, каноны относятся к дисциплине, к церковному устройству. Они должны быть, но Церковь постоянно развивается, а потому часть из канонов устарела, а часть из них противоречит как современной церковной практике, так и друг другу. И мы, когда обсуждали какие-то организационные моменты, все-таки приняли очень важную формулу: когда расхождение — что делать? Если большинство принимает изменения, то Церковь движется вперед, а кто остается в меньшинстве — пожалуйста, служи по-старому, не признавая чего-то. Единству нашей Церкви разногласия во второстепенных вопросах не угрожают, вера у нас одна, а тоталитаризма у нас нет.

И еще, возвращаясь к литургии: за две тысячи лет существования христианства, сколько литургий было? Сейчас три литургии: святых Григория Двоеслова, Иоанна Златоуста и Василия Великого. Литургия апостола Иакова практически нигде не служит. Но ведь сотни были литургий! Опять-таки, сердце, главное содержание литургии — это Евхаристический канон, который действительно нерушим и не может подвергаться ревизиям, реформам. Всё остальное — пожалуйста. Можно католическую мессу служить во всех разновидностях, англиканские или лютеранские литургии. Я думаю, что все вопросы Устава, богослужения, постов, всё это должны общины решать. Вот на каком община захочет языке служить — на том и служить. Может быть, часть прихожан захочет на английском языке»¹⁶². «Я вот на днях смотрел католический требник — замечательная книга, почему бы и нам, например, его не использовать?»¹⁶³

К вопросам церковного единства и еkkлезиологии Церкви у раскольников еще более «прохладное» отношение. Своему идеологическому стороннику и либерально настроенному священнику Георгию Кочеткову Глеб Якунин советует: «Единство любой ценой, — какая ерунда!

¹⁶¹ Подробнее см.: http://www.krotov.info/libr_min/18_s/sav/opoat.htm.

¹⁶² Якунин Глеб, Рыжов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. С. 34–35.

¹⁶³ Там же. С. 33.

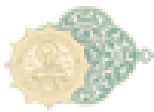
Я бы на месте Кочеткова, при его возможностях, плюнул бы на эту Патриархию, которая его гнала, создал бы свою иерархию... Сам бы стал епископом, пришел бы к нам, мы не требуем подчинения себе — дали бы ему благодать апостольского преемства, и пусть бы еще рукоположил пять-шесть епископов. Свою Церковь отдельную сделал бы — и нас выручил, был бы параллельный фронт»¹⁶⁴.

Таким образом, модернизм в революционно-реформаторских расколах определяется как менталитет определенного круга интеллектуалов-раскольников¹⁶⁵, уверенных в том, что новые пути революционного радикализма в церковной сфере, несомненно, более очевидны, чем существовавшие до этого традиционные формы сохранения, передачи и актуализации церковной традиции. В последние два десятилетия к такому мнению стали серьезно прислушиваться и православные богословы, полагая, что реформирование, национализация, политизация, секулярная социализация и институционализация Церкви чрезвычайно важны для будущего всего человечества.

Нужно также отметить, что проблемы церковного единства и вопросы преодоления церковных расколов усугубляются и осложняются почти спекулятивными провокациями, связанными с канонами Церкви. Канонами часто «страшают» как непрерываемыми и неизменяемыми постановлениями, особенно теми, что были установлены и приняты на Вселенских Соборах, при этом не чувствуя внутренней динамики развития канонического права и православного богословия в целом. Но кто соприкасается с живой жизнью Церкви, тот сразу видит, что каноны так же часто нарушаются, как и соблюдаются. В этой области творческое напряжение заключается в интерпретации канонов, в понимании их изначального смысла, а отсюда и правильного их применения. «Если и существует область, о которой можно совершенно уверенно сказать, что там православная мысль находится в состоянии кризиса, то это — каноническое право. Кризис этот очевиден и нам самим, и окружающему нас миру. На каноны ссылаются все: и консерваторы и либералы, и сторонники экуменизма и его противники, и защитники status quo и реформаторы. Но никто до сих пор не задал главного вопроса: какова сущность тех текстов, на которые мы все ссылаемся? Все ли они являются для нас юридически обязательными? Почему некоторые из них преданы забвению, хотя никогда не были формально отменены? Если же они не имеют юридической силы, то почему мы так часто ссылаемся на некоторые из них? Где критерий отбора? Не очевидно ли, что в нашей Православной Церкви,

¹⁶⁴ Там же. С. 13–14.

¹⁶⁵ Подробнее см.: Рыжов Юрий. *Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве*. М., 2006.

в которой так много разделений и мнений по практическим вопросам, каждая группа находит те каноны, которые могут оправдать ее собственную позицию, забывая не только другие тексты, но, что более важно, само основное и неизменное Предание Церкви?»¹⁶⁶ Каноническое право и догматическое богословие требуют богословских знаний и по-настоящему затрагивают, к сожалению, лишь ограниченное число верующих, в основном, академическую корпорацию преподавателей духовных богословских заведений. Однако ко всем областям православного богословия применимо изречение одного современного французского мыслителя: «...в некотором роде анахронизм есть грех против Святого Духа»¹⁶⁷. Какие бы ни были противостояния, необходимо, чтобы они в Церкви уживались во имя любви, которая «всё покрывает». Среди нас и в каждом из нас должны уживаться и консерватор, и реформатор. «Ни дешевый либерализм, ни поверхностный модернизм, ни слепой канонический фундаментализм не помогут» современному богослову стать «живыми глашатаями Духа Святого. Единственным приемлемым критерием при пересмотре древних канонических правил может быть только дух Евангелия и просвещенная богословская верность Священному Преданию»¹⁶⁸. Протопресвитер Иоанн Мейендорф говорит: «Разрыв между теорией и практикой, как я уже сказал, так велик в исторической Православной Церкви наших дней, что этот разрыв мог бы быть причиной отчаяния для самих православных и сострадательной иронии для тех, кто на нас смотрит извне, если бы эта теория была бы на самом деле только теорией, а не даром Божиим, если бы Божественная Евхаристия не преобразовывала — снова и снова — наше бедное человеческое содружество в истинную Кафолическую Церковь Божию, если бы время от времени Господь не творил такие чудеса, как, например, сохранение православной веры в тоталитарных секуляризованных обществах или возникновение православного рассеяния на Западе, снова давшее возможность всемирному свидетельству Православия»¹⁶⁹.

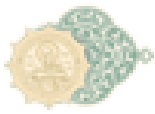
Оценивая консерватизм, новаторство и модернизм с точки зрения их близости к «цивилизационному выбору», можно сделать следующее

¹⁶⁶ Мейендорф Иоанн, прот. Живое Предание: Свидетельство Православия в современном мире. М., 2004. С. 158.

¹⁶⁷ Струве Никита. О консерватизме и реформаторстве в Церкви. Выступление на общеправославном съезде во Франции (Парэ-Ле-Мониаля, октябрь 1999 г.) // Вестник русского христианского движения. Париж — Нью-Йорк — Москва, 2000. № 181. С. 29.

¹⁶⁸ Мейендорф Иоанн, прот. Живое Предание: Свидетельство Православия в современном мире. М., 2004. С. 182.

¹⁶⁹ Там же. С. 155.

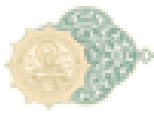
наблюдение. Модернизм в истории Русской Православной Церкви¹⁷⁰ выступает или проводником западного влияния, или формой приспособления к новым социальным условиям, в результате которого теряется «православная идентичность»¹⁷¹. Консерватизм, напротив, делает акцент на независимость религиозных положений от быстроизменяющейся жизни, в результате он становится невосприимчив к новым церковным потребностям и задачам, теряет свое влияние на общество. Самобытность понимается этим течением в духе изоляционизма, как «сознательная отчужденность от остального мира». Происходит его вырождение в провинциальную идеологию, голос которой не слышен во Вселенской Церкви. Новаторство, сохраняя верность канонам и святоотеческому богословию Церкви, понимая предание как дыхание Животворящего Духа, органически в реальности церковной жизни связывает прошлое с настоящим. Оно не занимается приспособленчеством «в угоду мира», но оно и не отгораживается от его проблем. Данное течение выступает за сохранение и развитие православного отечественного богословия, но при этом готово к общению и к религиозно-философским дискуссиям на благо Церкви с представителями современной науки, общественно-политическими деятелями и верующими других конфессий. Ни модернизм, ни традиционализм не создают условий для богословского творчества. «В обеих партиях нет доверия к будущему, к тому, что в Церкви еще будут силы, которые смогут додумать то, над чем начал думать наш век, что будут силы, которые умнее и подлиннее, чем мы, смогут пережить наши боли, что они смогут исцелить те стороны церковной жизни, от которых болели наши сердца»¹⁷².

Опираясь на многовековую традицию Православной Церкви, богословие должно сочетать преемственность с актуальностью, преданность вечным истинам Божественного Откровения с поисками адекватных форм их выражения, т. е. быть новаторским. Ведь во все исторические эпохи жизни и развития Православной Церкви для церковной проповеди необходима не только Благая Весть, но и способность изложить ее словами, которые вызовут отклик именно у современного поколения. «Всё это означает, что мы имеем дело не с разметкой территории, не с «встраиванием» кирпичиков в заранее определенные для них места, а с событием — пересказом и переработкой традиционного текста (Священного Писания — *о. Павел Бочков*) в соответствии с актуальными проблемами человечества, действием, благодаря которому и сама церковь возрастает в понимании и даже, в какой-то мере заново вос-

¹⁷⁰ Подробнее см.: Шапошников А.Е. Консерватизм, новаторство и модернизм в православной мысли XIX–XX веков: Монография. Нижний Новгород, 1999. С. 217.

¹⁷¹ Подробнее см.: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.

¹⁷² Кураев Андрей, диак. Почему православные такие?.. М., 2006. С. 140.

принимает Благоую весть»¹⁷³. «Всё прошлое в богословии должно быть оценено как процесс, и на основании этой оценки должны быть намечены пути его дальнейшего развития. При этом само собой разумеется, что пастырское богословское образование не может пониматься традиционно статически, как некий установленный минимум, необходимый для совершения церковного служения. Как непрерывная функция Церкви, богословие в целом есть процесс, и пастырское образование должно пониматься как включение в этот процесс, предполагающее восполнение и обогащение церковного богословия уже в личном творческом поиске каждого пастыря в его предстоящем служении. Без этой отдачи, без творчества напрасен будет принятый от Господа талант. Более того, отсутствие реальной перспективы богословского поиска противоречит самой природе христианского пастырства, основанного на заповеди Господа творить и учить (Мф. 5:19)»¹⁷⁴ «Только через творческое усвоение прошлого и только на твердом святоотеческом базисе возможны богословский поиск и интерпретация того, что составляет и придает Божественному Откровению его вневременность, его историчность и его современность в сегодняшнем мире. Как соработнику Божественной благодати и строителю тайн Божиих (1 Кор. 4:1), пастырю, по-видимому, принципиально необходимо понять диалектику церковной икономии в ее исторической ретроспективе и в ее настоящем состоянии, поскольку именно ею поддерживается и обеспечивается в жизни Церкви постоянное динамическое равновесие между старым и новым, между неизменным и преходящим, между абсолютным и относительным, между вечным и временным»¹⁷⁵.

Анализируя идеологию революционно-реформаторских расколов, важно отметить, что современному человеку сегодня необходимо реформировать не саму Церковь, а работать над преобразованием и кардинальным преобразованием своей жизни по духу Евангельского Откровения и в свете святоотеческого наследия. «Церковь должна меняться — но для того, чтобы более соответствовать себе, а не для того, чтобы больше соответствовать миру»¹⁷⁶. Христианину следует вновь обрести Церковь как место обитания слова — слова, которое говорит о полноте бытия, слова, которое воспевает славу Божию. Слово должно быть получаемым и переживаемым в общении Церкви, в духе единства и соборности. Обретя вновь духовное влияние на общество и способность реагировать на импульсы или всходы веры, которые идут из него, Православная Церковь как народ Божий будет способствовать освобождению, возрождению общества и его участию

¹⁷³ Уильямс, Роуэн. О христианском богословии. М., 2004. С. 48.

¹⁷⁴ Владимир (Сабодан), Митрополит Киевский и всея Украины. Слова и речи. К., 1997. С. 284.

¹⁷⁵ Там же. С. 286–287.

¹⁷⁶ Кураев Андрей, диак. Почему православные такие?.. М., 2006. С. 136.

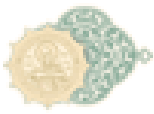
в создании тысячелетиями хранимой веры. Революционно-реформатские расколы и возникают от непонимания подлинной динамики взаимоотношения традиционализма и модернизма. Примером могут послужить «обновленческие» реформы в истории Православной Церкви. Обновленческая идеология — программа «людей, которые искренне нечувствительны ко многим важным сторонам церковной жизни, которые уже мыслят и чувствуют неправославно. И результат их деятельности может быть один — это разрушение Церкви как Церкви и создание у нас еретического сообщества с уродливой службой, с извращенным вероучением, с отсутствием канонической иерархии, без церковных таинств. Вот перспектива обновленческой деятельности»¹⁷⁷.

Результатами обновленческих реформ послереволюционной эпохи стали не только радикальные революционные преобразования в литургической и канонической сферах, но и случаи открытого ренегатства, политического «пресмыкательства». Протоиерей Владислав Цыпин пишет: «Так, в журнале “Революция и Церковь” было напечатано заявление бывшего диакона: “Я снимаю с себя дарованный Николаем Романовым сан диакона и желаю быть гражданином РСФСР. Церковные законы и молитвы составлены под диктовку царей капитала. Долой милитаризм, царей, капитал и попов! Да здравствует диктатура пролетариата!”»¹⁷⁸ «Перспектива» разрушения и уничтожения Церкви роднит не только обновленцев и самостийников-националистов двадцатых годов XX века, но и раскольников «реформаторов» начала XXI века, особенно в вопросе монашества. Поразительно, но существует определенная патологическая ненависть и неприязнь монашества почти во всех направлениях раскольниковских течений. Все тот же «отец» Глеб Якунин пишет: «Монашество сгнило, надо его запрещать — в том состоянии, в каком оно находится, от него только вред... Я вспомнил свой главный грех: я много сделал, когда был депутатом, для открытия монастырей, церквей и монастырей. Церквей — это хорошо, но то, что я монастыри открывал, это был большой грех. Думаю, Ленину, хоть он кошунник и богохульник, многое простится за то, что он закрыл монастыри, — это промыслительно. Убивать-то монахов не надо было, но то, что он закрыл монастыри, — это неплохо он сделал. Да, я открывал монастыри, и это на мне большой грех, потому что монастыри продолжают играть крайне отрицательную роль. Такая вот история»¹⁷⁹. Этим словам вторит «пат-

¹⁷⁷ Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900–1927. СПб., 2002. С. 331.

¹⁷⁸ Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 2-е изд., перераб. М., 2006. С. 379.

¹⁷⁹ Якунин Глеб, свящ., Рыжов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. М. – Таганрог, 2006. С. 21–22.

риарх»¹⁸⁰, «целитель»¹⁸¹ и борец с «энергетическим вампиризмом»¹⁸² Моисей (Кулик): «Проповедовать людям монашеское и крайнюю аскетическую монастырскую жизнь — вещь беспредельная. ...Поэтому как отдельный человек, так и в целом Церковь должны свято асержаться учения Христового и не надумывать новых ложных канонов, которые потом разрушают святость Церкви»¹⁸³.

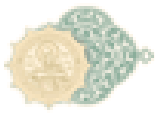
Русская Православная Церковь знает печальный опыт «обновленчества» в послереволюционные годы и новый раскольнический опыт «реформирования» постсоветского пространства. Некоторые «раскольнические» реформы имеют характер гонки за секулярной современностью, в отрыве от самобытной церковной традиции. Но главное — они вводятся раскольниками, борющимися с Церковью. Тем самым даже положительные и, в принципе, приемлемые и желательные преобразования для Церкви, но вводимые раскольниками, оказались скомпрометированными в глазах народных масс, да и самой Церкви, так как они исходят не от нее, а от тех, кто от нее откалывается и кто своими устами проповедует хулу на Духа Святого. «Слишком много разных противоречивых учений в церкви и вокруг меня. Безопаснее доверять Библии. Так началась моя реформация!» — пишет один из бывших соратников Глеба Якунина по «Апостольской церкви» «архиепископ» Сергей Журавлев, который пошел дальше прочих реформаторов с помощью харизматов и неопятидесятников. Журавлев пришел «к пониманию абсолюта Библейских истин и изменил отношение к протестантам. ...Ни одна церковь, деноминация, юрисдикция не может и не имеет права пытаться монополизировать Духа Святого!» «Когда я познакомился с христианами веры евангельской — пятидесятниками и харизматами, то увидел в этих церквях истинное православие, которое я так долго искал в “ритуальном христианстве”». Поправ основу рождения человека в Церкви, Журавлев экзальтированно восклицает: «Моя христианская жизнь после крещения Святым Духом стала качественней, эффективней и лучше. Взаимоотношения с Богом стали более счастливыми и интимными. Нам вместе с Духом Святым так приятно и хорошо, что не возможно это и описать! Лишь те, кто пережил подобное, поймут то, о чем я сейчас говорю. Я верю в то, что уже

¹⁸⁰ Подробнее см.: Церковний календар. Інtronізація Патріарха Мойсея. 17–19 червня 2005 року м. Київ. К., 2006. С. 9.

¹⁸¹ Целительству и лечению отведено огромное место в деятельности «патриарха» Моисея. Проводя свои собрания, Моисей Кулик постоянно отмечает важность исцелений в жизни Церкви. Поэтому, параллельно с существующей литературой об исцелении, «патриарх» продает видеофильмы и аудиозаписи с «исцеляющим» эффектом.

¹⁸² Подробнее см.: Мойсей, Патріарх Київський і Всієї Руси-України УАПЦ Канонічної. Здоров'я душі — здоров'я тіла. Вид. 2-е. К., 2006. С. 9.

¹⁸³ Мойсей, Патріарх Київський і Всієї Руси-України УАПЦ Канонічної. Здоров'я душі — здоров'я тіла. Вид. 2-е. К., 2006. С. 65.

в ближайшем будущем начнется большое пробуждение в православных церквях разных юрисдикций, патриархатов. Это движение охватит сотни и тысячи приходов-общин на Украине и за её пределами. Миллионы номинальных православных станут настоящими, истинно-православными христианами, крещенными Духом Святым, наполненными Его силой, несущими благую весть Иисуса разным народам»¹⁸⁴. Вот с такими примитивными сектантскими умозаключениями «радеть церковного возрождения» принялся за создание «новой истинной церкви».

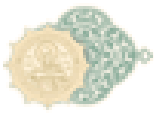
Психологию революционно-реформаторских расколов отличает ее нетерпимость и необъективность по отношению к истории Церкви, безразличие к опыту христианского подвижничества святых и явное пренебрежение научно-богословскими, интеллектуальными, социальными и духовными достижениями прошлых лет. Основное различие между церковным и раскольническим сознанием проявляется в отношении к роли церковной иерархии и самого апостольского преемства, бережное охранение которого, является, по словам раскольников, комплексом. «Один из таких комплексов в Православии — даже порядочные архиереи боялись дать благодать. Если будешь у меня — рукоположим, иначе — ни в какую. И Истинно-Православная Церковь, и «зарубежники» согласны были рукополагать только для себя. Психология и идеология была такая: рукополагать только тех, которые будут у нас. А иначе, считают, страшная перед Богом ответственность — вдруг рукоположенный куда-то уйдет? Хотя с христианской точки зрения, — всё наоборот: если ты зарываешь свой талант, а ведь дар Святого Духа, благодать апостольского преемства — это тоже талант у епископа, какая участь тех, кто зарывает свой талант, будет на Страшном Суде?»¹⁸⁵

Раскольническое сознание рассматривает заботу церковной иерархии о своих пасомых как нечто неестественное и фальшивое по определению, поскольку церковная иерархия рассматривается как противники личной свободы священников и мирян. «Наши принципы конфедеративного устройства — это от Кузнецова. Или другая идея: раз уж православные отделились от католиков, зачем создавать мини-Пап? Зачем эти «вертикали власти», зачем тогда было вообще отделяться от Рима? Сколько в Православии сейчас патриархов? Надо было совершенно по-другому организовывать Церковь, проблема в этом»¹⁸⁶. «Поэтому власть должна принадлежать народу. «Аксиос!» священнику и епископу должен говорить народ. Вот наша модель, вот что мы должны поддерживать! Всё

¹⁸⁴ См.: Газета «Екклесиаст» №6 (54). 2001. С. 6.

¹⁸⁵ Якунин Глеб, Рыжов Юрий, священники. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. М. — Таганрог, 2006. С. 12.

¹⁸⁶ Там же. С. 8.

должны определять верующие. Общины должны выбирать священника, общины должны выбирать епископа»¹⁸⁷.

Вот почему время церковных расколов постсоветского периода, не признающего канонического наследия Церкви, в целом стало воплощением бунта против церковной иерархии.

Подводя итог вышесказанному, приведем главные черты психологии революционно-реформаторских расколов нашего времени:

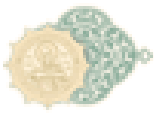
- презрение к святоотеческой мудрости и научно-богословскому наследию прошлых веков;
- нивелирование абсолютных церковных истин;
- революционный радикализм в литургической жизни Церкви;
- абсолютизированный моральный релятивизм;
- бунт против церковной иерархии;
- идеализация греховного индивидуализма;
- преклонение перед секулярными идеями и идеологиями;
- признание научного эмпиризма и историзма главным арбитром

в доказательстве церковной истины. Таков схематический срез идеологии раскольнической психологии. Нарисованную картину легко сделать более яркой и убедительной, дополнив ее новыми деталями. Для этого достаточно посетить раскольнические собрания, почитать периодические и полемические издания, побывать на богослужении, официальном приеме или на личной встрече.

История постсоветского периода не стесняется своих печальных аксиом и грустных выводов по поводу единства и целостности раскольнических организаций. Именно история, а не какая-либо из теорий, является могильщиком идеологии раскола. Достаточно вспомнить, сколько за последние десятилетия состоялось расколов внутри украинского автокефализма, российского «истинного, катакомбного» Православия и либерального «апостольского наследия» революционно-реформаторских разветвлений.

Достаточно упомянуть про миграции, частота которых сильно влияет и на всю «екклезиологическую» платформу раскольников. Чем дальше они отпадают от канонической Церкви, чем сильнее в них гордыня и жажда «архиерейства», тем дальше они летят во тьму и бездну, вырождаются в откровенно маргинальные сообщества. Так бывший «епископ» АПЦ Алексей (Скрыпников-Дардаки), создал совершенно «дикую» по своим воззрениям группировку, пропагандирующую благословение гомосексуализма, женатый епископат, и прочие безнравственные греховные стремления, являющиеся мерзостью пред Богом. Его преемник «епископ» Дионисий (Батарчук) вторит ему: «Для меня совместная жизнь двух людей, которые любят друг друга, —

¹⁸⁷ Якунин Глеб, Рыжов Юрий, свящ. Цит. соч. С. 32–33.

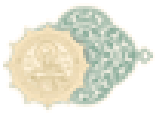
это настоящая любовь. А если она проявляется между двумя лицами одного пола — по большому счету для меня это тоже не является проблемой»¹⁸⁸.

Всё это, несомненно, свидетельствует о глубоком кризисе раскольнического сознания. И хотя нас раскольники продолжают уверять в том, что они движутся вперед, реальная история церковных расколов постсоветского пространства становится всё более жестокой, варварской и порочной, особенно на примере истории Украины. На наших глазах образуется неустойчивый, но мощный, полный антагонизмов союз между оптимистичным украинским национализмом и протестантизмом, представляющий религиозный модернизм во всех его крайних проявлениях. «Всё это, как это ни парадоксально, говорит, на наш взгляд, об особом избрании украинского Православия. Господь как бы показывает украинским людям, искренне взыскующим правды Царства Божия, что столь тесно переплетающиеся в отколовшейся от Московской Патриархии Церкви протестантизм и национализм, являясь порождением духа века сего, духа обмирщения и секуляризации, ведут к одному обрыву — к оползанию в страшный, темный мир жизни без Христа, с Велесами и Перунами. Нам в России сложнее — протестантизм, церковное обновленчество и национализм видимым образом не связаны друг с другом, и нам необходимо объяснять людям, что оба эти явления одной природы»¹⁸⁹. Вот почему большинство раскольнических лидеров в самой России продолжает верить в победу идеологии национализма, религиозного модернизма и одновременно сектантского изоляционизма. Происходит это из-за того, что по старой традиции раскольники склонны тешить себя иллюзиями. Одной из таких иллюзий является убежденность в том, что церковному реформаторству по определению отведена роль победителя.

Эта иллюзия уже превратилась в некую традицию, которую бережно охраняет само государство. Правила навязанной нам этой традицией игры требуют, чтобы православные христиане надели на свои глаза шоры. Это должно уберечь нас от случайного взгляда на свое историческое прошлое и от влияния его наследия на наши убеждения. Нельзя не согласиться со словами архимандрита Тихона (Шевкунова): «Действительно, сейчас идет сосредоточенная, серьезная борьба, борьба очень выжидательная. Борьба, которая, как надеются реформаторы, увенчается полным их успехом — глобальной модернизацией Русской Православной Церкви. И это происходит в нашей истории не впервые. Болезнь протестантизма в Русской Православной Церкви существует давно. Историки, может быть, меня поправят или расширят тот

¹⁸⁸ Подробнее см.: www.baznica.info/pagesid-4538.html.

¹⁸⁹ Секачев Василий, диак. Украинский церковный сепаратизм // Единство Церкви: Богословская конференция 15–16 ноября 1994. М., 1996. С. 127.

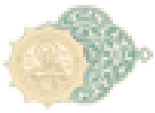

перечень, который я сейчас приведу, но эта болезнь возникала периодически в истории нашей Церкви. Болезнь протеста против Церкви оформлялась затем в некое достаточно стройное учение, в новые догматы, в злобную критику иерархии в попытки перестройки, обновления, модернизма, упразднения той Церкви, которая существует в Русском Государстве.

По всей видимости, таковыми были и стригольники, и ересь жидовствующих, и, несомненно, реформы Петра I, и те нормативные акты, которые вносились в управление Церковью некоторыми последующими правителями после Петра I. Конечно же, это и толстовство, и страшный рецидив той же болезни — обновленчество 20-х годов, ну и то, с чем мы сталкиваемся сегодня. Вспомним, что происходило в петровское время, когда западные протестантские идеи бурно проникали в Россию, увлекая умы многих русских людей, в первую очередь тех, кто определял судьбы государства, и вспомним, какой страшный удар нанесли эти правители Русской Православной Церкви. Два Синодальных члена — архимандрит Евфимий и Платон — были расстрижены из монашества всего лишь за распространение книг против протестантизма. Знаменитый Указ Петра I от 28 января 1723 года запрещал пострижение в монашество. Этот же Указ через одиннадцать лет повторила Анна Иоанновна. Тысячи монахов были расстрижены только за то, что они были определены в монашество без разрешения кабинета министров и лично Остермана. Если же эти монахи были и священниками, то их лишали священного сана. Вот какие страшные вещи происходили в тот период, когда люди, воинствующие на Церковь, приходили к власти и в государстве, и внутри Церкви. Во все времена: и во времена новгородской ереси, и во времена петровские, и во времена обновленчества — еретики, борющиеся с Церковью, стараются завладеть умами власть предержащих»¹⁹⁰.

Но в настоящий момент раскольники не способны осознать своих исторических поражений, а тем более учиться на ошибках и достижениях прошлых эпох, поскольку всё ещё убеждены в своем хронологическом «превосходстве», в своей победе над Церковью Христовой. «Как сейчас многие не верят, что рухнет нынешний режим. И как многие не верят, что рухнет Московская Патриархия... Я уверен, что они рухнут. Гайдар сейчас «Крушение империи» написал, не знаю, наверное, уже издал. Он проводит исследование, всё сейчас через компьютер — он исследовал с середины XIX века все тоталитарные режимы. И говорит, что все рушатся, обязательно рушатся, иначе не может. Особенно коррумпированные быстро рушатся. Вот такая ситуация, я вижу, что на-

¹⁹⁰ Тихон (Шевкунов), игум. Болезнь протеста против Церкви // Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». М., 1996. С. 264–265.

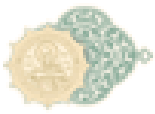
пряжение в обществе идет сейчас очень большое. И Патриархия рухнет обязательно, она обречена»¹⁹¹.

Под гипнозом подобных раскольнических идей находятся и многие современные политические деятели стран постсоветского пространства, на которых с надеждой смотрят раскольники, желающие получить от них поддержку для своей деятельности в настоящее время. Но именно раскольническую иллюзию более всего не переносит каноническое сознание Церкви. Каноны составляют органическую часть общей традиции Православной Церкви. С церковной точки зрения невозможно оценивать церковное единство исключительно на основе современных общественно-политических взглядов и надежд на признание раскольников в будущем. Прошлое и настоящее Православия должно оцениваться с точки зрения постоянного пребывания в Церкви Святого Духа. Церковная каноническая традиция — динамическая полнота Христова благовестия и вероучения в истории человечества. Поэтому церковные каноны отображают весь мистический опыт Церкви, накопленный за время ее существования. Отрицание истории Церкви и пересмотр соборных решений и вероопределений — это не просто сомнение в истинности тех или иных канонических формулировок, но отрицание всего мистического опыта Церкви и действия в нем силы благодати Святого Духа. Подобный пересмотр церковной истории ставит настоящую политическую реальность в положение абсолютного судьи над прошлым — судьи, отрицающего постоянное пребывание в Церкви Святого Духа, который во все времена определяет единственно правильный и наиболее подходящий путь к спасению.

Чтобы преодолеть раскольнические заблуждения, навязываемые нам новой политической и культурно-интеллектуальной обстановкой, нужно определенное мужество и решительность, поскольку мы всё еще не вышли из этой эпохи, где тоталитарная идеология (а не христианское мирозерцание) доминировала в большинстве сфер общественного сознания. Постсоветский период церковной истории — не только определенная эпоха истории человечества, но и запутанный клубок страстей, раскольнических надежд, еретических идей, особый менталитет, который превалирует в определенных социальных кругах. Наиболее отчетливо он проявляется в кругах интеллигенции и государственных чиновников, которые в последние годы стали главными носителями и проповедниками идеологии революционно-реформаторского раскола.

Таким образом, подводя итог революционно-реформаторским расколам и вопросу о религиозном модернизме, нужно отметить следующее.

¹⁹¹ Якунин Глеб, Рыжов Юрий, свящ. Три разговора о прошлом, настоящем и будущем Православия, с приложением краткой повести о Московской Патриархии. М. — Таганрог, 2006. С. 15.

Во-первых, несомненно, что нынешний глобальный социально-исторический кризис, сопровождающий переход мирового сообщества к постиндустриальному, информационному планетарному социуму, потребует от православных христиан не только верности религиозным традициям, но и гибкости в выстраивании отношений с изменившейся и продолжающей меняться социальной духовной реальностью.

Во-вторых, учитывая тлетворное влияние церковных расколов, распространявшееся на протяжении нескольких столетий, и бедствия нескольких последних десятилетий сектантского нашествия на страны постсоветского пространства, основной задачей православного богословия начала XXI века является подготовка церковно-приходской православной общины к вступлению ее в третье тысячелетие. Для этого следует вернуться к тщательному изучению святоотеческого наследия и уважительному следованию основной литургической традиции Церкви. Это потребует активного исторического научно-богословского анализа внутренней жизни Православной Церкви, в том числе и вопросов взаимоотношения духовного традиционализма и религиозного модернизма, новых трактовок восприятия современной истории, процессов глобализации, прогресса информационных технологий, а также способности определять существенное и второстепенное в жизни Церкви. Православное духовенство должно вернуть уникальный, но со временем утраченный навык отличать церковную доктрину, несущую истину, от раскольнического или еретического заблуждения. Этому долгое время не уделялось должного внимания в богословском осмыслении действительности церковной жизни постсоветского пространства. В результате перед нами встали вопросы, которые мы слишком долго считали несуществующими. Но если мы не научимся отличать истину от заблуждения, то последующим поколениям сделать это будет еще труднее.

В-третьих, консерватизм, новаторство и модернизм существуют в рамках православного богословия не как застывшие, окаменевшие его части, а как динамические и подвижные основания. Одним из важнейших показателей значимости вышеназванных тенденций выступает отношение богословия к философии и светской науке в целом. Негативное отношение к философии, религиозной этике, психологии, а следовательно, и желание максимально ограничить их влияние в рамках православной мысли характерно для консерватизма. Напротив, новаторство одобряет религиозную философию и синтез богословия и науки. Однако здесь существует опасность, что вне традиции Церкви православное богословие может превратиться в философскую доктрину и идеологию, что как раз и свойственно религиозному модернизму. В целом же синергия богословия философии — это путь развития православной мысли, и неслучайно многие выдающиеся православные богословы и религиозные мыслители стремились к процессам «воцерковления» философии и современной науки.